

„Недоросль“
в Ленинградском Трампе.

и только тогда писать критический отзыв о спектакле Трампа.

Не делаю этого, потому что не в спорах об этих спектаклях, мне кажется, истина трамповского возрождения.

В заключение хочется сказать о тех невероятно тяжелых условиях, в которых принужден был владеть свое существование последние два года Лентрам.

Вопреки постановлению Совнаркомом о предоставлении Лентраму лучшего помещения, театр силою обстоятельств оказался вовсе без помещения. Лентрам работал на правах бедного родственника в громадном, неудобном, непригодном к драматическим спектаклям зале Консерватории. Имея всего 17 рабочих дней в месяц, Трамп не был в состоянии обеспечить спокойные и нормальные условия для своей творческой работы.

Печать спешки, торопливости и неряшливости неминуемо легла на его работу. Положение на сегодняшний день не улучшилось.

Я думаю, что мы найдем в себе силы, чтобы полжизни кончить и этому обстоятельству.

2. НА ПЕРЕЛОМЕ

И. БЕЛЕЦКИЙ

Спецификация Трампа заключается в том, что он молодежный, комсомольский театр. Художественный показ того, как из молодого парня и девушки выковываются большевики, как в нашей молодежи, участвующей в социалистической переделке нашей страны, воспитывается новое, коммунистическое сознание, — вот важнейшая задача Трампа.

Молодежи, ее поведению в быту, на производстве, ее отношению к труду, к товарищу и т. д. овеиственны свои, «молодежные» особенности, которые не

всегда присущи взрослым участникам социалистического строительства.

Не зачеркивать это индивидуальное проявление общего, эти особенности, а правильно познавать их и художественно отображать в пьесе и спектакле (этим мы умножим число средств воздействия на сознание молодежи в направлении идей нашей партии) — важнейшая задача театра, работающего преимущественно на молодежной, комсомольской тематике.

Г О В О Р Я Т М О С К О В С К И Е Т Р А М О В Ц Ы

Я УСЛЫШАЛ СОБСТВЕННЫЕ МЫСЛИ

И. КУЗЬМИЧЕВ

Я — рабочий чугунолитейного завода, поступил в Трамп в 1929 г. и работал актером без освобождения от производства. Через два года парторганизация освободила меня от завода, и я окончательно перешел на работу в Трамп.

Имея огромное желание работать в искусстве, я с жадностью воспринимал все, что говорилось в Трампе об искусстве, о диалектике, о пролетарском мировоззрении. Вследствие своей неграмотности (я учился всего один год в сельской школе), я часто верил самым разнообразным, подчас нелепым выводам наших, зачастую тоже малограмотных руководителей. В этом заключается главное мое несчастье. Я как сырой материал не попал сразу на верную дорогу, а много проколесив вокруг да около, ничего большого для себя не получил. Я отрекался от классики. Не имея даже элементарного понятия о театре, я отрицал старую театральную культуру. Я

отрицал все существующие системы, основательно не изучив ни одной. В течение четырех лет я силился создать «свою классику» (писал пьесу). Я хотел создать из ничего новую пролетарскую театральную культуру. Имея только заводский опыт и пролетарское происхождение, я хотел создать новую театральную систему актерской игры. Для этого я играл, как того требовали наши режиссеры, «под машинтошем» и «поливал» самого себя. Я пытался играть триаду образа, т. е. выходил на сцену не как актер, а как большевик, трамовец, пропагандист, взволнованный докладчик и т. д.

На наших афишах не писали: «пьеса в трех действиях», а «трамповское представление в трех кругах». Что эти круги собой представляют, я до сего времени не знаю. Все наши усилия мы направляли не на постижение основ актерского ремесла, а на стремление как можно скорее организовать новый быт. Создали трамповскую коммуну, считали себя какими-то сверхлюдьми, самыми лучшими коммунистами. Появилось какое-то замкнутое состояние. Раз мы дошли до того, что можем жить коммуной, то совершенно естественно, что мы пренебрежительно относились к другим людям, а в особенности к работникам искусства. Я не хочу сказать, что в этом было все отрицательное. Ведь, в сущности говоря, борьбу с

премьерством на театре начал именно Трамп. Серьезное отношение к своей работе, добросовестное отношение к зрителю — все это у нас было. Но, однако, мы не знали самых элементарных истин, посредством которых можно общаться со зрителем. Каждый из нас находил нужное по интуиции, потом, запоминая найденную интонацию, повторял ее в каждом спектакле, превращая ее в штамп.

Вот против всей этой системы, которая глушила и загоняла куда-то вглубь то, с чем я пришел в Трамп, то, что горело во мне, — против этой системы я не мог восстать, считая, что это было бы антипартийным поступком. Но мне было очень тяжело. Я не мог без насилия над собой играть образ и в то же время кричать «это не я». Когда я на сцену бил кувалдой по наковальне, я готов был разбить ее надвое от злости, от досады, от возмущения товарищами, которые балаганили, а не играли. Был такой случай, когда кто-то из ребят сорвал мне во время спектакля усы, потом принес лак, чтобы я их тут же приклеил. С точки зрения трамповца это было в порядке вещей. Ведь я это я, а не мой образ. Но для меня этот случай был огромным потрясением, которое я до сих пор не могу забыть.

В каждой роли я находил какие-то лазейки, куда я вдруг в одном эпизоде мог излить весь свой темперамент, ска-